

УДК 81'23:159.942(045)

Сахарова Римма Федоровна

пресс-секретарь

Белорусский государственный
университет иностранных языков
г. Минск, Беларусь

Rimma Sakharova

Press-secretary

Belarusian State University
of Foreign Languages
Minsk, Belarus
rf.sakharova@gmail.com

ЯЗЫКОВАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ БАЗОВЫХ ЭМОЦИЙ: ОТ АНАЛОГИИ К СМЕЖНОСТИ

В настоящей статье представлены обобщенные результаты анализа языкового материала со значением базовых эмоций в немецком и белорусском языках. В качестве основного способа языковой репрезентации эмоций в сопоставляемых языках зафиксировано переосмысление их телесно-физиологических проявлений. Данный подход вносит вклад в обоснование фундаментальной роли механизма мышления по смежности в процессах образования языковых единиц.

Ключевые слова: языковая репрезентация; базовая эмоция; телесно-физиологические реакции; этимология; смежность; аналогия.

LINGUISTIC REPRESENTATION OF BASIC EMOTIONS: BETWEEN CONTIGUITY AND ANALOGY

This article presents generalised results of the analysis of linguistic material conveying basic emotions in the German and Belarusian languages. The reinterpretation of bodily and physiological manifestations of emotions has been identified as the primary means of their linguistic representation in the languages under comparison. This approach contributes to substantiating the fundamental role of the mechanism of thinking by contiguity in the processes of linguistic unit formation.

Key words: linguistic representation; basic emotion; bodily and physiological reactions; etymology; contiguity; analogy.

Характерной чертой современной лингвистики является стремление ученых не только описать языковые явления, но и объяснить их. Эта цель предопределяет выход в исследовании языка за пределы собственно лингвистики, ее тесную связь с другими науками, изучающими человека. Этим объясняется описание языковых явлений в корреляции с единицами ментального уровня, с человеческой когницией в целом. Таким образом, изучение языковых единиц в рамках современной лингвистики подразумевает переключение внимания в исследованиях с объекта познания на субъект: сам язык рассматривается сегодня, с одной стороны, не изолированно, «в себе», а как связанный с другими внеязыковыми факторами и предопределенный ими. С другой стороны, язык представляется как средство доступа к скрытой от непосредственного наблюдения когнитивной деятельности человека

(Н. Ф. Алефиренко, Н. Н. Болдырев, А. Вежбицкая, Е. С. Кубрякова, О. К. Ирисханова, М. Л. Ковшова, Н. Б. Милявская, Ч. Филмор, Z. Kovecses, G. Lakoff, R. W. Langacker, M. Schwarz-Friesel, M. Döring, H. Bergerova, D. Stoeva-Holm и др.)

Долгое время внимание ученых было сосредоточено на механизме образования языковых единиц по сходству/аналогии, т. е. метафоре как универсальном когнитивном механизме. Обращение к языковым единицам со значением базовых эмоций¹ в немецком и белорусском языках позволило сделать вывод, что основным способом репрезентации эмоций в языке является описание (переосмысление) их телесно-физиологических проявлений, т. е. на основе механизма мышления / осознания по смежности – в процессе номинации телесно-физическое выступает вместо психического. Данный механизм лежит в основе образования языковых средств репрезентации базовых эмоций в двух сопоставляемых языках и применим как к однословным номинациям, так и к устойчивым сочетаниям прямой и не прямой (фразеологической) номинации.

Следует особо подчеркнуть, что полученный вывод подтверждает теорию Дж. Лакоффа о том, что «физиологический эффект эмоции замещает саму эмоцию», т. е. в процессе языковой репрезентации эмоций основная роль отводится механизму мышления по смежности в процессах образования языковых единиц [1, с. 494].

Продemonстрировать данное положение можно обратившись к этимологии однословных лексических единиц, репрезентирующих эмоцию «страх» в немецком и белорусском языках. Нем. *Angst* 'страх' восходит к индогерм. *angh* т. е. *eng* 'узкий' с суффиксом *st*, который имеет значение *dazugehörig* 'принадлежащий к чему-л.', в данном случае – 'то, что является тесным, узким; то, что связано с теснотой' [2]. Второй версией происхождения слова *Angst* 'страх' в немецком языке является лат. *angustiae* 'теснота' [2]. И в первом, и во втором случаях в основе номинации страха лежит физиологическое проявление эмоции: сосуды расширяются и человек ощущает сдавленность.

Белорусская лексема *страх* (также укр. *страх*, др.-рус. *страхъ*, ст.-слав. *сѣрахъ*, блг. *сѣрах*, сербохорв. *сѣрах*, словен. *strah*, чеш. *střach*, слвц. *strach*, польск. *starch*) с первоначальным значением «оцепенение» сближается с лит. *stregti, stregiu* «оцепенеть, превратиться в лед», латыш. *stregele* «сосулька» [3]. Как демонстрируют этимологические данные, страх номинируется через определенное физическое состояние, связанное с ощущением озноба, холода при переживании данной эмоции и, как следствие, с ярко выраженной реакцией на страх: «оцепенеть, превратиться в лед, сосульку (стать неподвижным, застывшим)».

¹ За основу принята классификация базовых эмоций ученых из университета г. Глазго. – URL: http://www.gla.ac.uk/news/archiveofnews/2014/february/headline_306019_-en.html.

Еще одной версией происхождения белорус. *страх* является латыш. *treso* «трясу» (отсюда *трястись от страха*) [3]. В данном случае фиксируется конкретная физиологическая реакция человека при переживании страха.

Приведенные версии происхождения лексемы *страх* в белорусском языке позволяют сделать вывод, что, как и в немецком языке, прямая номинация однословными единицами эмоции «страх» базируется, в первую очередь, на конкретных физиологических ощущениях.

Данную закономерность подтверждает история возникновения однословных единиц, служащих для номинации гнева в сопоставляемых языках. Например, немецкое существительное *Wut* 'гнев' этимологически произошло от инд.-гер. корня 'uet, uot' (*anstacheln* 'побуждать, подстрекать', *aufführen* 'волновать, будоражить'), который был заимствован от др.-нем. 'wuot' (*besessen* 'одержимый', *rasend* 'неистовый, безумный'). Последнее, в свою очередь, является производным от Wuotan (Wotan) (Бог войны) [4]. Исходной точкой в процессе формирования значения имени существительного *Wut* 'гнев' является трактовка 'ein durch Götter oder Dämonen verursachter Zustand des Außersichseins, der übermächtigen Erregung букв. состояние невменяемости, чрезмерного возбуждения, которое вызвали боги или демоны'. Впервые существительное *Wut* 'гнев' встречается в источниках, датированных примерно 800 г. и обозначает «...unterschiedliche **Gemütsregungen wie Raserei, Wahnsinn, zügellose Erregung, rasenden Zorn** букв. различные **эмоциональные состояния**, такие как **ярость**, безумие, безудержное волнение, **безумный гнев**» [5, с. 1587] (выделено нами – Р. С.). В словаре Гримм *Wut* 'гнев' трактуется как «heftig seelisch-leibliche erregung und ihre äusserungen букв. интенсивное умственное и физическое возбуждение и его проявления» [6]. В значении 'rasender Zorn букв. безумный гнев' имя существительное *Wut* 'гнев' употребляется и на современном этапе развития языка. Таким образом, в основе номинации эмоции лежит ее физиологическое проявление – внутренние волнения и, как следствие, безумие, лихорадочное поведение.

В белорусском языке языковая номинация эмоции гнева также основана на телесных ощущениях. Существует несколько версий происхождения имени существительного *гнеў*. Согласно первой версии белорус. *гнеў* происходит от общеславянского *gněvъ. По происхождению это праславянское слово связывают со словами *гнуть*, *гной*: считается, что они восходят к одному и тому же индоевропейскому корню *ghen – *растирать, разгрызть*. Из значения *растирать, разгрызть* развилось *быть растертым*, а из него – *распадаться на мельчайшие частицы* > *разлагаться* > *гнуть* [3].

Современный смысл слова *гнеў*, как отмечают исследователи, мог развиться из значения «состояние больного, покрытого струпьями, гноящимися ранами» [3].

Возможен был и другой путь образования современного значения слова *гнеў*, не связанный с *гнуть* и *гной*, – непосредственно из *растирать*, *разгрызать*, и тогда *гнеў* можно объяснить как состояние, в котором хочется стереть кого-то или что-то в порошок, грызть, кусать и т. д. Эта гипотеза очень хорошо подтверждается и языковыми фактами: переносными значениями слов и выражений, описывающих поведение, реакции, связанные с гневом (*сцерці ў парашок, сцерці з зямлі*), и телесными реакциями на гнев: сжатие кулаков, зубов и др. (белорус. *трэсціся, сціснуць зубы, зелянец ад гневу*).

М. Фасмер приводит мнения исследователей, связывающих лексику *гнеў* с глаголом *гнетить* ‘зажигать огонь’ и с идеей горения [3]. П. Я. Черных свидетельствует, что слова *гнести*, *гнет*, *угнетать* и т. д. происходят от индоевропейского **gnet-*, которое реализуется в разных индоевропейских языках со значениями *давить*, *месить*, *мять* [7]). Если учесть, что огонь в древности добывался трением, то связь значений *тереть* и *зажигать* очевидна.

Значит, первоначальный, древний «психологический» смысл лексемы *гнев* можно истолковать так: эмоция, в процессе переживания которой хочется стереть кого-то или что-то в порошок, грызть, укунить; либо возникающая в результате существования чего-то грызущего, или натирающего, или тяжелого и давящего в душе (и/или в теле); эта эмоция также связана с идеей горения (например, белорус. *астудзіць гнеў, гарэць гнева́м*), которая основана на телесных ощущениях: ощущении прилива жара во время гнева, покраснении лица, резкие изменения в сосудах, скачок адреналина в ответ на подавление.

Репрезентация ощущений переживаемой эмоции является устойчивым способом репрезентации эмоций при номинации их устойчивыми сочетаниями. Выделены следующие закономерности вербализации эмоциональных состояний в сочетаниях прямой номинации:

- описание физиологических изменений в работе внутренних органов и физиологических ощущений субъекта: нем. *Kummer bedrückt sein Herz* ‘букв. печаль сдавливает его сердце’, белорус. *сэрца трымціць ад страху, знямець ад страху, сэрца баліць ад гора, гора сціскае сэрца*;

- описание поведенческой реакции субъекта: нем. *vor Wut mit der Faust auf den Tisch schlagen* ‘букв. ударить кулаком по столу от гнева’, *vor Freude die Arme hochreißen* ‘букв. поднять руки от радости’, *vor Freude in die Hände klatschen* ‘букв. хлопнуть в ладоши от радости’, *vor Freude springen* ‘букв. прыгать от радости’, белорус. *скакаць ад радасці*;

- описание внешних изменений, вызванных эмоциональным состоянием: нем. *blass vor Ärger werden* ‘букв. побледнеть от злости’, *vor Freude erröten* ‘букв. покраснеть от радости’, бел. *зелянец ад гневу, свяціцца ад радасці, набляднець ад страху*;

– описание голосовых реакций, которыми сопровождается переживаемая эмоция: нем. *vor Wut heulen* ‘букв. выть от гнева’, белорус. *крычаць ад радасці*.

Механизм мышления / осознания по смежности находит реализацию и в процессах не прямой (фразеологической) репрезентации базовых эмоций и основан, в первую очередь, на описании физиологических ощущений переживаемой эмоции. Например:

1) нем. *sich die Augen ausweinen* букв. выплакать все глаза ‘очень сильно плакать’, бел. *выплакаць (усе) вочы* ‘горка няўцешна плакаць’ (проявление печали/горя) образован путем действия механизма метонимии: выделение слез (физиологическое проявление горя) становится способом фразеологической репрезентации психического состояния. Кроме того, во фразеологизме вместо существительного «слезы» используется соматизм «глаза», т. е. при языковой репрезентации дважды имеет место преобразование по смежности;

2) нем. *zittern wie ein Espenlaub* букв. дрожать как осиновый лист ‘очень сильно дрожать от холода/страха’, белорус. *як асіна калаціцца, дрыжаць* ‘очень сильно, чаще от страха’. В данных фразеологических единицах страх описывается по его проявлению – телесной дрожи. В то же время во фразеологизме присутствует и сравнение – человек сравнивается с осиновым листом или целым деревом (осиной), которые колышутся на ветру. Однако осознание по аналогии дополняет механизм мышления по смежности, который является главным при образовании данной единицы, о чем свидетельствует наличие в сопоставляемых языках таких единиц, как нем. *vor Angst zittern* ‘букв. дрожать от страха’, *vor Angst erschauern* ‘букв. содрогаться от страха’, белорус. *трэсціся, дрыжаць ад страху*;

3) нем. *j-m überläuft es heiß und kalt* букв. кого-л. бросает в горячий и холодный пот ‘кто-либо содрогается, охвачен страхом или ужасом’, белорус. *мароз па скуры/спіне/цэле прабягае/ходзіць/дзярэ/прадзіраў* букв. мороз по коже/спине/теле пробегает/ходит/рвет/раздирал ‘хто-н. страшэнна спалохаўся, адчувае моцны жах’. Физиологически ощущения при переживании страха сходны с ощущениями холода. Данное сходство переосмысливается и становится способом номинации эмоции страха.

Таким образом, анализ односложных языковых единиц и устойчивых сочетаний демонстрирует, что в основе языковой репрезентации эмоций лежит переосмысление переживаемой эмоции, которое является устойчивым способом вербализации эмоций как в немецком, так и в белорусском языках. Данный факт характеризуется общностью биологической природы человека, его физиологическим устройством.

Важным и актуальным представляется дальнейшее изучение механизмов мышления по смежности и аналогии и установления моделей их взаимосвязи в процессах языковой репрезентации базовых эмоций.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Лакофф, Дж.* Женщины, огонь и опасные вещи: Что категории языка говорят нам о мышлении / Дж. Лакофф ; пер. с англ. И. Б. Шатуновского. – М. : Языки славянской культуры, 2004. – 792 с.
2. Lexikon der Gestalttherapie. – URL: <http://www.gestalttherapie-lexikon.de/angst.htm> (дата обращения: 10.06.2026).
3. Этимологический словарь русского языка (М. Р. Фасмер). – URL: <https://rus-yaz.niv.ru/doc/etymological-dictionary/index.htm> (дата обращения: 10.06.2026).
4. Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache. – URL: <https://www.dwds.de/wb/Wut> (дата обращения: 10.06.2026).
5. *Pfeifer, W.* Etymologisches Wörterbuch des Deutschen / W. Pfeifer. – Deutscher Taschenbuch Verlag, 1997. – 1665 S.
6. Deutsches Wörterbuch von Jacob Grimm und Wilhelm Grimm. – URL: <http://dwb.uni-trier.de/de> (дата обращения: 10.06.2026).
7. *Черных, П. Я.* Историко-этимологический словарь современного русского языка / П. Я. Черных ; 3-е изд., стер. – М. : Русский язык, 1999. – Т. 1. – С. 133–134.

Поступила в редакцию 19.06.2026